

Когда часы в доме Поттеров зловеще тикали, приближаясь к полуночи, в воздухе витало осязаемое чувство ужаса. Флемонт Поттер, волшебник, обладавший немалой силой и в свое время противостоявший многим Темным магам, почувствовал леденящее душу беспокойство. Защитные чары, которые он тщательно выстроил вокруг резиденции своего сына в дополнение к чарам Фиделиуса, подверглись нападению неизвестной силы.

С инстинктами опытного воина Флемонт почувствовал активацию антиаппарационных чар - зловещий знак надвигающейся опасности. Его рука инстинктивно потянулась к палочке, неизменной спутнице в бесчисленных сражениях.

"Эуфемия, отведи мальчиков наверх", - приказал Флемонт, его голос звучал властным спокойствием. "Я сам встречу с незваным гостем".

Эуфемия, прекрасно понимая, что все поставлено на карту, быстро увела Гарри и Чарльза в безопасную комнату. Тем временем Флемонт приготовился к противостоянию и крепко сжал свою палочку.

В детском святилище Эуфемия опытными руками начала вычерчивать защитные руны вокруг колыбели Чарльза. Предчувствуя эту ночь, она кропотливо изучала древние магии, которые помогли бы ей победить темного волшебника Волдеморта. Ее усилия принесли плоды, и она обнаружила забытый ритуал жертвоприношения - отчаянную меру, которая, однако, давала хоть какой-то проблеск надежды против темного потока, с которым они столкнулись.

Повернувшись к Гарри, она посмотрела на него со смесью материнской привязанности и печальной покорности. Она была ему больше матерью, чем Лили, которая была занята войной, поэтому её связь с Гарри была очень глубокой.

"Гарри, мой храбрый мальчик, сейчас ты должен быть сильным. Не забывай защищать Чарльза, как мы всегда защищали тебя", - умоляла она, ее голос был пронизан материнской любовью и решимостью воина.

Гарри, молодой, но необычайно проницательный, понял всю серьезность ее слов. Молчаливый кивок стал его клятвой, обещанием защиты и храбрости, превосходящей его годы.

Внизу схватка между Флемонтом и незваным гостем, не кто иной, как сам Волдеморт, переросла в бурный водоворот магии. Волдеморт, холодный и расчетливый, сделал леденящее душу предложение.

"Отдай мне ребенка, Флемонт, - угрожающе прорычал Волдеморт. "Я не держу зла ни на тебя, ни на твою жену. Мне нужен только мальчик".

Но Флемонт, непреклонный и решительный, стоял на своем. "Ты и пальцем не тронешь моего внука, мерзкая тварь", - провозгласил он, и его голос прозвучал вызывающим ревом среди клубящегося хаоса заклинаний.

Последующая дуэль стала свидетельством негиблого духа Флемонта и безжалостного преследования Волдемортом его темных замыслов. Несмотря на все усилия, Флемонт оказался в невыгодном тактическом положении, сражаясь не только за свою жизнь, но и защищая дом от разрушения во время поединка и причинения вреда своим внукам.

В детской комнате Эуфемия завершила работу над руническим кругом, древние символы которого светились слабым неземным светом. Затем она накинула на Гарри древний плащ-невидимку семьи Поттеров и усадила его рядом с колыбелью Чарльза. Сердце ее было

тяжелым от осознания того, что должно произойти, груз жертвенности давил на душу.

"Гарри, помни, что нужно всегда верить в себя, быть смелым и отстаивать то, что правильно. Наша любовь к тебе будет твоим щитом, навсегда сохранившимся в твоём сердце", - прошептала она, её голос звучал призрачной мелодией утешения и законченности.

В ожидании Эуфемия размышляла о неопределённом будущем Гарри и Чарльза.

Если её жертве удастся помешать Волдеморту, Чарльз, скорее всего, будет провозглашен чудом выжившим после смертельного проклятия, что может привлечь к нему нежелательную славу и внимание. Она надеялась, что такая слава не повлияет пагубно на его характер. Самым заветным желанием Эуфемии было, чтобы ужасные события этой ночи остались в тайне и дали Чарльзу шанс на нормальную жизнь.

Однако тревога за Гарри прорезала в её сердце другую, но не менее глубокую полосу. Эуфемия и Флемонт стали для Гарри убежищем, главной гаванью любви и заботы, что резко контрастировало с отдалённым и нерегулярным присутствием его родителей, Джеймса и Лили. Перспектива её отсутствия, пустота, которую она создаст в жизни Гарри, наполняла её мучительным страхом. Она боялась, что это ещё больше отдалит Гарри от его семьи, особенно если Чарльз станет центром внимания после ночных событий.

Громкий грохот снизу разорвал жуткую тишину, заставив Эуфимию действовать. Облачившись в мантию решимости, она встала у дверного проема, как страж, готовый встретить неизвестность.

Когда Волдеморт вошел, его присутствие было таким же леденящим, как и тьма, которой он владел. Эуфемия стояла на своем, являя перед внуками грозную фигуру непоколебимого мужества.

Не обращая внимания на требования Волдеморта отойти в сторону, она встретила его с мужеством, которое было одновременно яростным и трагичным. Зелёное Убийственное проклятие, которое он обрушил на неё, ознаменовало конец её противостояния, но при этом воспламенило подготовленную ею руническую защитную магию.

Под мантией-невидимкой Гарри наблюдал за всем происходящим, и его глаза наполнились слезами. Однако он не издал ни звука от страха и, выполняя последнее желание бабушки, встал перед братом, чтобы защитить его. Несмотря на свой страх, Гарри непоколебимо стоял перед братом, готовый сделать всё, что потребуется, чтобы обеспечить его безопасность.

Волдеморт подошёл к колыбели, его взгляд был прикован к Чарльзу, ребёнку, который, как он верил, был пророчен уничтожить его. Гарри под плащом стоял в нескольких дюймах от него, но оставался скрытым магией плаща-невидимки.

Чарльз перестал плакать - он был слишком мал, чтобы понимать происходящие вокруг него события. Волдеморт не мог понять, как этот ребенок, не представляющий собой ничего особенного и обладающий магической силой чуть выше среднего, мог представлять для него угрозу. Тем не менее, движимый паранойей и желанием помешать судьбе, Волдеморт был полон решимости устранить то, что он считал потенциальной угрозой.

"Я разочарован", - усмехнулся Волдеморт, подняв палочку, в его голосе прозвучало презрение. "Я ожидал большего от ребенка, которому пророчат мой конец. Но это не имеет значения. Благодаря твоей смерти никто не встанет на моем пути". Его лицо исказилось в жестокой

улыбке, когда он приготовился выпустить свое смертельное проклятие: "АВАДА КЕДАВРА!"

В этот момент, незаметно для Волдеморта, руны, окружавшие колыбель Чарльза, ожили и засветились неземным светом. В результате самопожертвования Эуфемии Поттер активировался купол магической защиты, окутавший Гарри и Чарльза невидимыми объятиями.

Когда Волдеморт выпустил смертельное Убийственное проклятие, оно столкнулось с невидимым магическим барьером, в результате чего вспыхнул яркий белый свет. Гарри под плащом тоже начал излучать такое же сияние. Его врождённая магия, о которой он не подозревал, смешалась с защитным куполом, укрепив его против тёмного заклинания.

Волдеморт в шоке наблюдал за тем, как барьер не только выдержал его проклятие, но и усилил сияние.

В ответ купол магии разразился золотым ответным заклинанием, которое устремилось прямо к Волдеморту. Ударив его прямо в грудь, заклинание в считанные мгновения превратило Волдеморта в пепел, а его одежда рухнула на пол.

Однако заклинанию, призванному полностью уничтожить Волдеморта, помешала скрытая привязка к миру смертных - крестражи Волдеморта. А из пепла Волдеморта возникли два злобещих чёрных пятна: одно прилипло ко лбу Гарри, а другое превратилось в подобие призрака.

Этот фантом, ослабленный остаток Волдеморта, отчаянно рванулся к Чарльзу. Однако Гарри, находясь в бессознательном состоянии, вновь излучил пульсирующий белый свет, который оттолкнул фантом, заставив его скрыться в ночи.

Таким образом, руины дома Поттеров стали свидетелями глубоких перемен в мире волшебников. Ночь, которая должна была предвещать тьму, стала поворотным пунктом в войне со злом и положила начало истории, которая навсегда войдет в историю волшебников.